

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
муниципального образования Северский район
«Районный организационно-методический центр»

**ОБРЯД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

Выпуск I

ст. Северская, 2020 год

Содержание:

Что такое обряд и ритуал.....	4
Кубанские праздники и обряды Кубанского казачества.....	5
Список использованной литературы.....	21
Список рекомендуемой литературы.....	21

Что такое обряд и ритуал

Традиция (от лат. *traditio* «предание», *обычай*) — множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих одним из регуляторов общественных отношений.

Обычай — унаследованный стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определённом обществе или социальной группе и является привычным для их членов.

Обряд — совокупность действий стереотипного характера, которой присуще символическое значение. Стереотипный характер действий обряда, то есть их чередование в некотором более или менее жёстко заданном порядке, отражает происхождение слова «обряд». В сущности, с точки зрения этимологии оно означает именно «приведение чего-либо в порядок». Обряд нередко характеризуют как традиционное действие человека

Ритуал (лат. *ritualis* — обрядовый, от лат. *ritus*, «торжественная церемония, культовый обряд») — совокупность обрядов, сопровождающих религиозный акт, или выработанный обычаем установленный порядок совершения чего-либо; церемониал. И словарное определение, и другие источники показывают, что слово *ритуал* является синонимом *обряд*. Однако ранее отношение понятий «ритуал» и «обряд» в разных источниках могло определяться иначе, когда считалось, что:

- ритуал является частным случаем обряда
- ритуал является совокупностью обрядов

Как и обряд, ритуал характеризуется символическостью действий, утратой их утилитарного значения. Также ритуалу присуща строго установленная форма и демонстративность.

В части источников, включая Большую советскую энциклопедию, ритуал определяется как религиозный обряд. Согласно определению Мэри Дуглас, ритуалы «служат для выражения веры или приверженности определённым символическим системам».

Практически все источники допускают нерелигиозное трактование понятия «ритуал» и, таким образом, полное отождествление его с понятием «обряд». Тем не менее, например, Ю. В. Чернявская проводит чёткую границу между ритуалом и обрядом, определяя их как равнозначные формы преемственности культуры и дополняя их третьей формой — обычаем. При этом обряд определяется как «десакрализованный ритуал».

Календарные праздники и обряды Кубанского казачества.

В календарном круге праздников и обрядов кубанского казачества можно выделить три блока, которые, несмотря на свою содержательную специфику, взаимодополняя и пересекаясь друг с другом, образуют достаточно целостную систему.

Первый, по сути, базовый блок - это православные праздники и входящие в них обряды годового круга.

Ко второму блоку относятся обряды, связанные с основными видами земледельческой и скотоводческой деятельности казаков, прежде всего с началами и окончаниями наиболее важных работ, имеющих сезонную приуроченность (пахота, сев, первый выгон скота в стадо и т.п.). В зависимости от погодно-климатических условий конкретного года они полностью или частично могли совмещаться с собственно календарными праздниками. Однако, даже если этого не происходило, в них использовались элементы, символы годовых праздников: пасха, пасхальное яйцо, зерно из новогодней обрядности, средокрестные кресты из теста и т.п.

Третий составляли войсковые, воинские праздники и обряды, которые были связаны или сознательно приурочивались к конкретным датам православного календаря.

Собственно календарный круг имеет неравномерную и неодинаковую народную празднично-обрядовую оформленность. Наиболее насыщенными являются зимний и весенний периоды. От весны к осени наблюдается резкое сокращение календарно-обрядовой активности населения, хотя службы в храмах, естественно, справлялись, а праздники учитывались населением в повседневной жизни, выступая как регламентирующее начало. "Обеднённость" второй половины года в известной мере компенсировалась производственными и войсковыми праздниками, а также свадьбами, большинство из которых и справлялось по окончании полевой страды. Годовой круг открывали зимние святки, включающие в себя Рождество, Новый год и Крещение.

К Рождеству, знаменующему собой окончание филипповского поста, также как и к Новому году, готовились самые разнообразные блюда. Резали кабана, барашка, гусей, индеек. Готовили колбасы, холодец, пироги и пирожки с мясной и фруктовой начинкой. Рождественский стол должен был отражать идею достатка, изобилия, благополучия. Однако в навечерие Рождества Христова (6 января), на свят вечер / святойвэчир или на багатувэчэрю (кутю) / багатую вечерю на стол ставили постные блюда. Основной обрядовой пищей являлась кутя / кутья, которую готовили из

ячменя, пшеницы, позже - из риса, а в некоторых станицах Карачаево-Черкесии - из кукурузы, и озвар / узвар / взвар из сухофруктов.

После приготовления их переносили с печи в святой / красный угол, на покуть где и ставили на сено. Ритуал переноса мог включать в себя и "квоканье": "Узвар на базар, а кутя на покути! Ко-ко-ко... Шоб наши куры неслись". В ряде станиц к этому празднику пекли и специальный обрядовый хлеб: сгибушек спасителя (в виде конверта), кореженки (в форме улитки), сакрестия (булочки с изображением креста из теста) и др.

К числу основных рождественских обрядово-ритуальных действий относятся вечера / вэчэря, приглашение к вечеру Мороза; ношение вечера / кутьи, гадания на жизнь-смерть, замужество; рожыствуванье / рождествованье / христославление и колядование. Во время вечера, ужина накануне Рождества Христова, с появлением первой вечерней звезды в начале разговлялись кутьёй. В некоторых станицах и семьях детей заставляли лезть под стол и подражать крикам домашних животных: квохтать, кукарекать, мекать, бекать и т.п. Вечера - семейный ужин. Приходили в родительский дом женатые сыновья со своими детьми. Приглашали одиноких соседей.

На стол ставили прибор для умерших предков. В некоторых станицах открывали дверь и звали их к столу. Хозяин, а если его не было, хозяйка приглашали к столу Мороза, а иногда и домового. Ритуал приглашения Мороза достаточно вариативен по форме, а по содержанию однотипен на всём пространстве бывшей Кубанской области. В тексте приглашения высказывалась просьба не морозить ни людей, ни животных, ни растения.

Ношение вечера (кутья, пирожков) осуществляли дети, подростки обоёго пола, молодые семейные пары вечером накануне Рождества. В одних станицах вечерю несли дедушкам, бабушкам, родителям, в т.ч. крестным. В других не только родственникам, но, практически всем жителям на своём краю. Важным моментом являлось то, что отдавая принесенной кутьи, пирожков, хозяева взамен добавляли своей. Так поступали в каждой семье, что способствовало обновлению, упрочению социальных связей, скреплённых обрядовой пищей.

На Рождество, 7 января, с рассветом в одиночку и компаниями, по преимуществу мальчики, мужчины ходили по домам "славить Христа" (рожыствувать). Ритуал мог состоять только из словесного текста ("Рождество твоё, Христе Боже наш...", "Христос родился..." и др.) или включал в себя и театрализованные библейские сюжеты, связанные с рождением Иисуса Христа. В качестве основного символа в ходе этого ритуала участниками часто использовалась звезда в форме звезды, в виде

ветки тройчатки, ряженки, гильца или, редко, креста, ящика с прорезью для свечи.

Вечером 7 января совершалось колядование. В начале шли дети, а попозже в это действие включались взрослые, по преимуществу девушки и замужние женщины. В некоторых станицах, как правило позднего заселения, колядки и щедровки рассматривались как "одно и то же". Идея нового, рождения, наполнения, изобилия проявлялась как в христианской рождественской, так и в "нехристианской" новогодней обрядности. Она отражена и в названии вечера накануне Нового года: щедрый вэчир / вечер, хотя известны и другие - "вечер на Меланки", например.

В полной мере эта идея проявлялась в убранстве новогоднего стола. Он должен был быть обильным и разнообразным, чтобы "год полным был". На столе было всё. Обязательно пекли специальную <новогоднюю> хлебину". В некоторых семьях старались так заставить стол едой, высоким хлебом, чтобы хозяина не было видно. Или же хозяин специально садился на низкую скамеечку, пригибался. Под скатерть в ряде станиц стелили солому или сено из-под рождественской кутьи, - "чтобы богато жили". К новогодней трапезе могли приглашать и Мороза.

С учетом порубежности новогоднего времени, в новогоднюю ночь совершались ритуалы, связанные с идеей окончания, проводов старого и рождения нового. Провожая старый год, стреляли, жгли костры, гадали. Хозяйка могла "кочергой скребти курей с сидала", - чтобы они начинали нестись. В новогоднюю ночь могли "пугать" топором неплодоносившие фруктовые деревья. В большинстве станиц именно накануне нового года совершались обряды щедрования, "хождения с Меланкой / Мыланкой / Маланкой" (или Мыланкой и Васылём), "вождение Козы". Щедровки, так же как и колядки делятся на детские, которые могли исполнять как девочки, так и мальчики, и взрослые, исполнявшиеся обычно девушками, женщинами. К женской обрядовой субкультуре следует отнести и меланки. Вождение же "Козы" являлось прерогативой мужчин. И тот, и другой обряд сопровождался специальными песнями, представленными на Кубани несколькими вариантами. "Мыланка" на территории войска имела более широкое распространение как в "черноморских", так и в ряде "линейных" станиц. "Коза" зафиксирована по преимуществу в бывших черноморских.

С новогодним утром связан ритуал прихода, встречи первого посетителя в новом году и один из ключевых новогодних обрядов - посевание / посыпание. Чаще всего они совмещались, т.к. хождение посевальщиков, мальчиков, юношей, мужчин, начиналось рано утром, и именно они и оказывались первыми посетителями в чужих домах. По

традиционным представлениям первым в чужой дом в наступившем году должен был придти мужчина, что сулило хозяевам удачу, благополучие, здоровье.

Собственно посеванию могли предшествовать ритуалы "дёргания за чуб" посевалящика, "сажание на порог на шубу", "сидения посевалящиков на кровати", "квохтания", чтобы куры были чубатыми, чтобы неслись, чтобы сваты приходили в дом, чтобы всё водилось в хозяйстве. Посевали по преимуществу в святой угол, но могли разбрасывать зерно по комнате, на хозяйев. Использовались зерновые или бобовые: пшеница, кукуруза, горох. Тексты посеванок, как детские, так и взрослые, разнообразны, но общим для них, также как и для части песен, сопровождающих обряд "вождения Козы", является мотив избыточного урожая. Зимние святки включает Крещение (19 января).

Наряду с этим названием на Кубани широко использовались и используются другие, связанные с названием вечера накануне Крещения: голодна / голодная кутя, бедная кутя / кутья. Как единичные отмечены и другие названия - богатая кутя (в отличие от рождественского навечерия, связанного с постом), свечки, объясняющиеся традицией приносить из церкви зажженную свечу и обходить с ней подворье. Этот праздник имеет ряд общих компонент с рождественской и новогодней обрядностью и завершает зимние святки. Накануне Крещения соблюдался строгий однодневный пост, который заканчивался или с появлением вечерней звезды, или в других семьях, после первого освящения воды, которое происходило примерно в два часа ночи в церкви. Второе водосвятие, Иордань / Ордань / Йордань, происходило на реке на рассвете.

С освященной водой возвращались домой и в первую очередь окропляли, закрепляли, ставя мелом крестики, подворье, дом, членов семьи, всё хозяйство. В некоторых станицах в это же время снаружи дом обводили сплошной меловой линией, - чтобы конопля высокая росла, чтобы из дома ничего не разбежалось, чтобы куры хорошо неслись и т.п. Перед освящением воды в реке, если стояли морозы, из льда вырубали крест или несколько крестов, делали престол. Кресты могли окрашивать, в т.ч. свекольным красным квасом. Как правило, в момент опускания священником креста в воду присутствующие выпускали голубей, производилась стрельба, желающие, в некоторых станицах лишь больные, купались.

В советское время, когда в большинстве станиц храмы были закрыты или разрушены и освящение воды не производилось, жители в полночь все равно приходили к реке и набирали крещенской воды. Считается, что в полночь вода останавливается или даже начинает течь в обратную сторону и

все воды сами освящаются. Крещенскую воду хранили в течение года, используя её в самых разных, но, прежде всего, в охранительных целях, в народной медицине.

Голодная, бедная кутя таковой являлась только по названию. Крещенский стол по избытию не уступал новогоднему. Обязательными же блюдами являлись кутя, узвар, приготовление и перенос которых в святой угол, а затем на стол сопровождалось теми же действиями, словами, что и на Рождество. И к этой трапезе могли приглашать Мороза. По её окончанию кутю, узвар, Мороза и "всё плохое, нечистое" выпроваживали: "Кыш, кутя, с покутя, а узвар на базар"; стреляли, били скалками, палками по изгороди, воротам.

Сено, солому, хлеб с крещенского стола подкладывали в гнёзда домашней птице, скармливали домашним животным, по преимуществу корове. Остатки кутьи могли отдавать птице: "Щоббулов огородивсэ, шобптыщыводылась". На зимние святки, это касается как колядования, щедрования, так и христославения, допускалось ряжение, в т.ч. с символической сменой пола. Однако наиболее развитые формы ряжения характерны для "Козы" и её свиты, а также для некоторых вариантов Мыланки, которую наряжали в "украинский костюм" или "как невесту", а Васыля - "женихом"). В полночь на Рождество, Новый год, Крещение проводились гадания. При значительном разнообразии форм, тематика их достаточно ограничена: замужество, жизнь в замужестве; жизнь - смерть, урожай - неурожай, голод, война.

Весенний период календаря, по сравнению с зимними святками, демонстрирует "перевернутую" модель. Если зимний цикл начинался с поста и заканчивался строгим постом накануне Крещения, то центральную часть весеннего блока представлял Великий Пост, а начало (Масленица) и окончание (Пасха) являлись "непостными", "скоромными". Термин "мясоед" в этом случае не используется по двум причинам. Во-первых, для Кубани он является нехарактерным, исключая сугубо церковную традицию. Во-вторых, Масленица, не относясь, строго говоря, к посту, в силу преобладания в ней молочной пищи, не относилась и к мясоеду.

Масленица относится к числу подвижных во времени праздников и могла выпадать на февраль, март. Этот праздник, демонстрируя вариативность на разных уровнях, тем не менее, являлся общекубанским и пользовался, даже в советское время, широкой популярностью. В отличие от большинства локальных восточнославянских традиций, он, за исключением точечных традиций (отдельные семьи, единичные населенные пункты), не

сохранил на Кубани четкой градации по дням, в т.ч. с их соответствующими названиями и соответствующими ритуалами.

Тем не менее, существовало основное обрядово-ритуальное ядро, имевшее повсеместное распространение. Основу Масленицы составляли обязательная обрядовая пища (вареники и блины или, в некоторых станицах, только блины или только вареники), вязание колодок, взаимные гостевые визиты, игровые, развлекательные моменты (в т.ч. с ряжением) и, может быть самое главное, обряд "всеобщего прощения", приходящийся на последний день Масленицы.

Отвлекаясь от конкретных вариантов вязания колодок, а это касается формы и вида колодок, времени вязания, участников с той и другой стороны и других моментов, следует отметить, что колодки общество, в лице соответствующих поло-возрастных групп, вязало тем, кто достигнув брачного возраста, не вступил в брак. На Кубани отмечены, на наш взгляд, и весьма архаичные формы этого ритуала - публичное вязание колод / колодок. В бывших линейных станицах этот ритуал мог сопровождаться исполнением специальных песен как, например, "На нашей улице не по вашему...". Впрочем развитая форма этого обряда в большей степени характерна для "линии" и Закубанья.

Игровая, развлекательная сторона в этом празднике занимала значительное место, составной частью которой являлось и катание с горок, на лошадях, если позволяла погода, и даже "вождение Кобылы", "Козла", с исполнением приуроченных песен: "Да пошел козёл в огород..." и др. В некоторых станицах Кубани сохранялась переселенческая традиция сжигания чучела. Показательно то, что сложно выявить персонификацию чучела: Масленица, Зима, Смерть? В досоветских источниках это не уточняется, а наши информаторы, отмечая сам факт существования обряда и наличие центрального персонажа, чучела. Крайне затруднялись в его идентификации. Единожды отмечалось, что это чучело Медведя, Зимы.

"Масленая неделя", судя по всему, имела свою нормативную культуру. Например, в это время, впрочем по православной традиции и в другие дни "нельзя было ссориться, завидовать...". В целом ни начало, ни окончание Масленицы на Кубани чёткого единообразного оформления, названий, соответствующих ритуалов и т.п., на Кубани не имели. Однако заключительная часть "разгульной Масленицы" безусловно связана с идеей избавления от масленичной пищи, с переходом к новому состоянию - посту. Об этом могут свидетельствовать и конкретные обычаи (отдача оставшейся масленичной пищи животным), и единичные названия заключительного ритуала, - "полоскание кувшинчиков".

Наиболее значительным в социальном и духовном отношении являлся завершающий перед Великим постом обряд - прощения грехов, "прощённый день", "прощённое воскресенье". Он, безусловно, вариативен, но суть его едина. В канун наступления Великого поста, тем более, что это ассоциировалось с возможным "концом света", просили друг у друга прощения за все явные и неявные обиды, причинённые окружающим в ушедшем году.

Великий пост предопределял жесткие ограничения на пищу и эти ограничения стремились соблюдать казаки, находившиеся на службе и даже пребывавшие на излечении в госпиталях. "Строгость" проявлялась и в запретах на проведение обычных молодежных встреч и гуляний, бэсид / бесед в их классической форме (с выпивкой, песнями и танцами). Более того, пост предполагал не только пищевые, развлекательные, но и половые запреты в отношениях между супругами. Вместе с тем великопостный период не исключал, по крайней мере в ряде станиц, исполнение псалмов и специальных постовых, часто игровых, песен: "А мы ползозорымо, зорымо.." / "А мы пашню пахали, пахали..", "Кострома", "А я еду... во Китай-город гулять..." и др. А так же исполнение соответствующих обрядов и ритуалов, связанных с конкретными периодами и праздниками, приходящимися на Великий пост или на конкретные недели сорокадневного поста.

К числу наиболее значимых дат относилась вербная неделя / вербное воскресенье. Последняя номинация использовалась чаще, так как была связана с наиболее важным обрядом и ритуалами: освящением вербы и "вербохлестом". Хлестание вербой людей, прежде всего родственников, и домашних животных с пожеланием жизни, здоровья являлось основным мотивом этой обрядности, о чем красноречиво свидетельствуют как акциональные (битье), предметные (распустившаяся верба), так и словесные "тексты": "... не умирай, красного яичка дождидай". Освященная верба использовалась и в последующем: для защиты подворья, огорода, в народной медицине. Существовало представление о том, что "в конце света" спасется тот, у кого во дворе посажена освященная верба, в т.ч. и по той причине, что под её корнями будет вода, водный источник.

На период Великого поста приходилось Стреченье / Встреченье. По народному мировоззрению это была встреча Зимы и Лета. Обрядовая сторона этого праздника была, судя по всему давно, утрачена, но локально или точно сохранились поверья о том, что в этот день встречаются Зима и Лето и между ними происходит диалог о сути Зимы, которая всё съедает и Весны / Лета, которое всё порождает. В отдельных станицах отмечено символическое единоборство Зимы и Лета в виде противоборствующих пар, чаще - девушек.

При встрече в этот день одна из девушек называлась Зимой, а другая - Весной. Между ними начиналась шуточная борьба. В зависимости от того кто побеждал, судили о том будет ли долгой зима или ранней весна.

На великопостный комплекс приходился и такой праздник как Сорок святых / Сорок мучеников / Сороки. В этот день пекли специальное, как правило орнитоморфное печенье ("жаворонки", "кулики", "птички" / "птычок", в единичных случаях - "голубей"). В некоторых станицах в это же время пекли из теста и кресты, "сакрестия", либо специальные булочки, в т.ч. "навитые", спиралевидные. В одно из этих обрядовых изделий запекали монетку и тот, кому оно доставалось, считался счастливым.

В ряде станиц сохранялась традиция раздачи орнитоморфного печенья детям. Дети поднимались на возвышение (курган, стог сена...) и подбрасывали их вверх, забрасывали на крышу. В этот момент и исполнялись специальные песенки, "веснянки". Объяснение этой традиции, на содержание которой указывают и тексты редко встречающихся на Кубани "веснянок", выглядит предельно просто: "Ждали их (Н.Б. - птиц), ждали тепла". Основным символом, печенье в виде птиц, в последующем использовалось и в весенних сельскохозяйственных обрядах, связанных с пахотой и севом. Впрочем, в большинстве станиц в этих ситуациях чаще использовали кресты из теста, выпеченные на средокрестье, средокрестной неделе, середине поста.

Заключительная неделя Великого поста называлась страстной, страшной. В ней выделялся чистый четверг, день, когда надо было до рассвета, "пока ворон не искупал своих детей", искупаться и прибраться, "вычистить" жилище, и страстная, страшная пятница. На страстную, связанную с мучениями Христа, его распятием, шли в церковь на всенощную. Домой приходили с зажжённой свечой. Некоторые с горящей свечой поднимались "на горище", потолок жилища посмотреть домового / хозяина. В пятницу и субботу страстной недели занимались приготовлением к встрече Пасхи: пекли паски, красили яйца. На пост мог приходиться и один из значительных по смыслу и строгости запретов праздник - Благовещение. На Благовещение "птица гнезда не вьёт, девка косу не плетёт", т.е. в этот день вводился строгий запрет на любую работу и, особенно, на забой скота, "пролитие крови".

Основные представления и ритуалы были связаны с солнцем ("солнце играет"), водой (с этого дня можно было купаться, в некоторых станицах освящали воду в родниках, шли по полям: "Поливали поля, сами обливались, чтобы урожай был, чтобы дождь шел"), кукушкой (начинает куковать), курицей и яйцом ("до солнца" кур кочергой снимали с насеста, чтобы они сажались и "квохтали"; яйцо, снесённое курицей в этот день нельзя было

подкладывать под наседку - родится калечка); с ведьмами (активизируются в этот праздник и "доят коров") и коровами, которых особенно тщательно оберегали, закрывали в этот день.

Самый крупный и светлый праздник календарного круга - Пасха. В кубанском варианте - Паска (Вьлькдэнь / Великдэнь). Пасха завершала пост и открывала новый отрезок времени. Поэтому к этому празднику готовили обильный стол: резали свиней, делали колбасы, пекли большие праздничные пироги. Однако центральное место на столе и в ритуально-обрядовой практике занимала паска, высокий, круглый, украшенный обрядовый хлеб, и "крашанки", "писанки". Ими, а также освящённым салом, разговлялись. С ними связано большое количество запретов. Они, в т.ч. кусочки, пасхальные крошки, скорлупки от яиц, использовались в сельскохозяйственных ритуалах, народной медицине и т.д.

В течение Пасхи устраивались кулачки, битки и катание яиц, проводились различные игры. В ряде станиц водили специальные пасхальные хороводы, устанавливали качели. Праздничное настроение создавал и пасхальный колокольный звон. Значительная часть пасхального времени отводилась гостевым визитам. В эти дни, вплоть до Вознесения, друг друга приветствовали словами, - Христос Воскрес(е)! Воистину воскрес(е)!

Пасха - это и время общения живых и умерших. Для последних на стол во время разговления ставили пасочку, яйцо, специальный прибор, приглашали (по именам) к разговлению. В отдельных станицах на первый день Пасхи практиковалось посещение могил, с "христосованием" с умершими, катанием на могилке или закапыванием в неё пасхальных яиц. В других станицах наоборот соблюдался запрет на посещение кладбищ, т.к. считалось, что "родители в это время находятся дома", среди живых.

В середине XIX - начале XX века существовала и войсковая форма празднования Пасхи. На второй день праздника духовенство Екатеринодара и казаки обходили вокруг войскового собора "со святостями". Офицеры выносили знамёна всех полков, а урядники - куренные булавы. На церковной площади выставляли все войсковые регалии.

Значимой датой в календаре являлись Проводы / Провода - коллективное посещение кладбищ и поминовение родителей. В отдельных станицах в прошлом они совершались на Красную горку (первое воскресенье после Пасхи). В большинстве - в понедельник или, реже, вторник после пасхальной недели. Центральное звено Проводов - поминовение усопших, оставление еды на могилках, воспоминания и "разговор" об умерших, с умершими, раздача еды, сладостей "на помин", коллективная

трапеза. Провода рассматриваются и как проводы Пасхи, и как проводы умерших, которые воз-вращаются в этот день "к себе". После возвращения с кладбища в старых станицах в прошлом устраивались скачки, джигитовки, гуляния. Однако к концу XIX - началу XX века эта традиция стала исчезать.

К весеннему периоду календаря относятся и имевшие ритуально-обрядовое оформление начала важных сельскохозяйственных видов деятельности: пахота, сев, первый выгон скота в стадо. Суммарный фактологический материал по этой традиции достаточно обширен и разнообразен. Однако в силу разных причин, доминирование длительное время мужской/ воинской субкультуры, достаточно позднее развитие сельского хозяйства, обряды и ритуалы этого блока в большинстве станиц существовали в лаконичной, "неразвитой" форме.

Перед первым выездом в поле в некоторых семьях дома проводилось коллективное моление. В посевной материал могли подмешивать зерно от прошлого урожая или те семена, которые использовали "посевальщики" на Новый год. Брали с собой или средокрестные кресты из теста, или, реже, "жаворонков" и вознесенские "лесенки". В поле отправлялись только мужчины. Могли привлекать и девочек, но не женщин, в качестве погоньчих. Пахоту и сев начинали на рассвете с молитвы или её краткой формы: "Господи, благослови!" Не исключено, что так же как и при начале огороднических работ, в молитве, обращаясь к Богу, высказывалась просьба о том, чтобы все уродило и для людей, и для животных, "и для хромых, и для слепых, и для нас". С крестами, жаворонками поступали по-разному: закапывали в центре поля, по углам, оставляли на меже, на деревьях или съедали. В некоторых станицах после первой борозды садились здесь же на поле завтракать.

Строгой даты "отдачи скота в отгон", "выгона в чэрдыну", впрочем как и начала сева, не существовало. Пастбищный сезон мог начаться с Заговенья, Пасхи, Георгия / Егория, в зависимости от наличия травы. В ряде станиц в этот день происходило освящение, окропление скота у церкви или на "тырле", у реки. При этом могли разводить и костры.

В большинстве станиц сохранились лишь индивидуальные ритуалы, связанные с этим событием и направленные на то, чтобы корова "не блудила, сама приходила домой", "чтобы покрывалась", чтобы её "не сглазили, не наслали порчь". Большинство из них проводилось на границе своего - чужого пространства: ворота, калитка / форточка. В обязательном порядке практиковалось индивидуальное одаривание, помимо платы, пастуха хлебом, яйцами, в т.ч. и пасхальными, паской.

Первому крупному летнему празднику, Троице, предшествовал День жен Мироносиц, известный в отдельных линейных станицах и под иным названием - Маргоски / Маргостье. Лишь в станице Успенской, основанной крестьянами, позже переведенными в казачье "сословие", сохранился обычай "хождения с кукушкой" в этот день. В некоторых станицах, Каладжинской, Новорожденской, этот обряд начинался на Вознесение. На этот праздник могли и "подкумливаться". В единичных станицах на Вознесение (Звесеньё) пекли "лестнички" из теста: "Бог на небо полезет". Перед Троицей поминали и тех, кто умер неестественной смертью.

Сама Троица насыщена обрядами и ритуалами, в т.ч. и очень сложными комплексами, но, они распространены неравномерно и чаще всего вариативны. Ключевое место в троичной обрядности занимает растительная символика, она, как универсальный элемент использовалась для "декора" жилища, подворья, в ряде станиц и приусадебного пространства ("сады" на улице), мест проведения гуляния (строительство "куреней", "хаток" из веток на улице, в саду. Это и один из центральных элементов обряда "крещения и похорон кукушки", "вождения камаря". Однако собственно троичное дерево, которое украшали, около которого кумились, - явление для Кубани редкое, характерное лишь для некоторых бывших линейных и закубанских станиц (Тбилисская, Зассовская, Темижбекская и др.).

Предпочтение тем или иным породам деревьев, местоположение, топография троичной зелени, исключая жилище и границу (ворота, калитку) в пределах Кубани имеют свои локальные особенности. В состав клечинья / квичанья / квичала / клэчинья могли включать черноклён, дуб, ясень, бересток, орех и осину, ветки которой по преимуществу устанавливали в глухом углу ворот, калитки уходы в сараи, где содержались коровы. Нередко обязательным условием являлось использование на Троицу трех пород "троецких деревьев".

Наряду с этим применялись травы: чебрец, душица, пырей, "разноцветье", которыми посыпали пол, подмазанные глиной дорожки во дворе, украшали подоконники. Зеленью убирались и станичные храмы. Троецкую растительность, как правило, держали в доме три дня, а затем собирали и сжигали или одну веточку сохраняли (от грозы, для выгона скота), скармливали худобе, подкладывали в гнёзда курам, использовали в народной медицине, магии. Обязательной пищей к концу XIX - началу XX века на Троицу являлась яичница, яйца, (в некоторых станицах их красили в зеленый цвет), сладкие напитки.

Из основных обрядов и ритуалов, которые проводились в это время, можно отметить как смешанные (мужчины - женщины), так и отдельные.

Обряд "завивания венков" с использованием персонифицированного дерева известен в единичных станицах. В большинстве случаев это название в конце XIX - XX веке применялось к общественным гуляниям, коллективной трапезе. Ни обряд, ни название не известны в бывших черноморских и ряде закубанских станиц. Составной частью этого обряда могли являться и ритуалы кумления, гадания на троецких венках.

Обычай плетения венков, в т.ч. с исполнением песен, известен шире обряда "завивания венков" и кумления, гадания. Их могли освящать в церкви, а в последующем вешали на икону, на ворота, использовали в народной медицине. Обряд кумления известен был на Кубани в нескольких половозрастных вариантах: детский, с участием только девушек, с участием юношей и девушек. Он мог являться "составной частью" "завивания венков", "крещения и похорон кукушки" или же выступал как самостоятельное явление. Местом проведения мог быть лес, сад, колодец / копань, подворье с ведром воды в центре. Обряд мог сопровождаться обменом кумящимися крестиками, элементами костюма, сопровождаться, как, например, в ст. Чернореченской и других, специальной песней: "Рэли, нынче Тройца". К числу сложных форм троицкой обрядности относится обычай "крещения и похорон кукушки" и "хождения с камарём". Если представления о кукушке, как птице особой, вещей, известны на Кубани повсеместно, то обряд зафиксирован лишь на некоторых территориях, в ст. Успенской, Каладжинской, Фастовецкой, Мартанской, Ново-Рождественской, Зассовской, Воровсколесской (ныне Ставропольский край). Основными символами этого обряда могли быть украшенная ветка ("тройчатка"), антропоморфная кукла и ветка, ряженые "жених" и "невеста" и ветка, "жених" и "невеста".

В целом в кубанской традиции можно выделить два основных типа этого обряда: с "кукушкой"-веткой, кумлением в лесу через ветку-дерево и водным погребением "кукушки"; и с "кукушкой"-антропоморфной куклой, кумлением через воду (копань, колодец, ёмкость с водой) и земляным погребением "кукушки". Обряд сопровождался исполнением соответствующих песен.

Обряд "хождения с камарём", "вождение комаря" имел ещё более ограниченное распространение, хотя география бытования песенного текста ("Уж я по лугу гуляла"), связанного с ним, может указывать на его более широкое распространение в прошлом. Основными персонажами и символами являлись комарь / камарь, камарь и камариха (часто они же "жених" и "невеста"), украшенная ветка ("гильцо"). В связи с участием живых основных

персонажей этих двух обрядов, "жениха и невесты", отмечены случаи трагедизма.

С Троицей связано и представление об активизации таких мифологических персонажей как русалки. В целом эти представления в большой степени, хотя и в крайне размытой форме, характерны для бывших линейных станиц, Закубанья: русалки - это "вишалныкы и утоплынныкы", умершие "некрещённые дети", "девушки-утопленницы". Образ русалки, помимо "классического" - красивая девушка с распущенными волосами и рыбьим хвостом, в кубанской традиции весьма расплывчат: "как дети", "чекалка, как лиса", "похожа на лису, но серая и хвост более короткий", "похожа на человека", "как птица". По поверью, особую опасность для людей, они представляли в четверг перед Троицей ("русальный Великдень"), или в четверг на Троицкой неделе: могли зашекетать до смерти, утащить в воду, особенно парней. Оберегом от них являлись специальные молитвы и, судя по всему, полынь.

Примерно такую же картину на Кубани мы наблюдаем и в связи с Иваном Купалой. В большинстве линейных станиц празднование ограничивалось службой в церкви, запретами на работу и некоторыми поверьями. Однако в большинстве станиц его следы, отдельные элементы или даже развиты формы сохранялись и в XX веке: "солнце играет", поверья связанные с цветком папоротника, кладами, верой в целебную силу купальских трав, купание (обливание), возжигание костров. Отправляясь на поиски цветка папоротника, соблюдали соответствующие нормы: не разговаривать, не обворачиваться, шли читая специальные молитвы, в полночь и т.п. Этот цветок могли искать не в лесу, а в конопле (ст. Староминская, Курджипская и др.)

В некоторых станицах и в XX веке на Ивана Купалу использовали в качестве символа украшенную цветками, венками, лентами ветку: "калиноню" (ст. Хопёрская, Бекешевская), "купалу" (ст. Петровка). Ветку срубали, украшали и устанавливали около будущего костра девушки под песни ("Ой, на Купала огонь гореть" и др.). Они же водили вокруг "купалы" хоровод: "Ой, на Купала Купалочка". Парни разводили костёр и старались забрать у девушек купалу. Отобрав деревце, бросали его в реку.

В ст. Кардоникской купальскую ветку называли Марына / Марина и в конце XX в. сохранялся обряд "потопления Марыны". В нем принимали участие только девушки или девушки и молодые замужние женщины, которые под песню "Марина ризова" украшали ветку, а затем относили и бросали в реку, закидывая её камнями. Однако в большинстве станиц бытовала более простая форма Купалы: плетение венков с последующим гаданием на них о

замужестве, жизни - смерти, с возжиганием костров и прыганием через них. Купальские венки по окончании праздника чаще всего относили на капусту, - чтоб головки большие были. Могли использовать их и в других целях. В этот день мог совершаться и ритуал катания по грядкам с луком или топтания лука, - чтобы крупный уродился. При этом участники, чаще дети, должны были держаться руками за голову. Во многих станицах в этот день освящали воду в реке, и с этого дня и до Ильи официально разрешалось купаться. К этому празднику актуализировались и представления о ведьмах.

Пограничное положение между летом и осенью занимали сельскохозяйственные обряды, связанные с окончанием тех или иных сельскохозяйственных работ: жатва и её окончание, завершение уборки винограда, табака. В силу особых природно-климатических условий, они в основном приходились на летнее календарное время: июль-август-сентябрь. Окончание уборки хлеба, прежде всего пшеницы, в целом на Кубани, исключая советский период, не имели развернутой обрядовой оформленности. К числу универсальных элементов можно отнести оставление "бородки" - несжатого пучка пшеницы, который назывался "Спасу на бородку" / "Спасова борода", "Христу на бородку", Илье, Николе, Петру... "Борода" могла варьировать: прямо стоящий пучок, три связанных колоска, "заломленный" к низу пучок, но суть была одна и та же. Как поясняли наши информаторы, это делалось для того, чтобы и в следующем году уродился хороший урожай. Эта ключевая идея обычая подтверждается и другим ритуалом, оставлением в "бородке" хлеба или кусочков хлеба: "Галка или зяц съедят, поблагодарят, на следующий год, чтоб урожай хороший был".

В тех станицах, где виноградарство и табаководство носило массовый характер, где арендаторы греки, реже армяне, привлекали местное население на сезонную работу, на базе несохранившихся обжиночных обрядов, возникли оригинальные, сходные по структуре и содержанию обряды окончания сбора винограда и ломки, папушовки табака. И в том, и в другом случае выбирали одну виноградную лозу, один стебель табака, украшали цветами и лентами. Их срезали последними и с песней "А мы ломочку, <резочку>, кончали..." несли, везли хозяину. Тот выкупал её и устраивал для работников коллективное угощение. Считалось, что если хозяин не сделает этого, в следующем году на эту культуру будет плохой урожай.

На конец лета и осень приходились и так называемые грозовые / грозные / строгие праздники. К их числу относится и день св. Ильи. Помимо запретов на работу, считалось, что с этого дня нельзя купаться в водных источниках, т.к. "Илья в воду настяв". К этому же ряду относились и дни св.

Пантелеймона, Смоленской и Казанской Божьей Матери, и некоторые другие. Следует отметить и тот факт, что эти праздники почитали и мусульмане - карачаевцы и черкесы, называвшие их "Пали-копа". Согласно существующим и в настоящее время легендам и быличкам, человека, рискнувшего работать в эти дни, Бог наказывал пожаром, и от молнии сгорал урожай, дом.

Особо чтимых осенних праздников было немного и своего народного обрядового выражения они почти не имели. Вместе с тем они оказывали существенное влияние на ритм и характер жизнедеятельности общества. К этому ряду праздников относятся Спасы, приходящиеся на астрономический конец лета, начало осени. В одних, единичных, станицах их насчитывали три, а в большинстве выделяли два - Маковий / Маковой - Спас медовый и Спас яблочный, обозначая их общим названием "Спасивка".

Во время первого Спаса освящали мак, мёд, соль. В отдельных станицах в этот праздник освящали воду в естественных источниках, бросали в неё цветы и купались. "Яблочный Спас" являлся основным, в ходе которого также освящали цветы, яблоки, мёд. С этого дня разрешалось есть яблоки всем, в т.ч. женщинам, у которых новорождённые дети умерли некрещёнными. В бытовом православии оба Спаса были связаны с поминовением умерших, погибших предков. Владельцы пасек на медовый Спас, выставляя угощение - мёд и булки, зывали станичников "на помин". Формально "Спасы" рассматривались как рубеж между осенью и зимой: "Прийшов Спас - дыржырукавычки про запас" / "Пришёл Спас - держи рукавички про запас".

Мифологически значимой границей между осенью и зимой всё же являлось Воздвиженье / Здвиженье. Основным сюжетом, связанным с этим праздником является то, что в этот праздник "земля сдвигается" и "всигадьпидзэмлюуходять". Это представление нашло отражение в быличке о человеке провалившемся в подземный мир змей, о женщине, которую за нарушение норм засосали змеи и т.п.

Одним из наиболее значимых осенних праздников, несмотря на отсутствие внецерковных обрядов и не учитывая войсковую сторону праздника, являлся Покров (Покров пресвятой Богородицы). К этому дню стремились завершить основные дела - всё убрать и выдать замуж дочерей ("Прийшла Покрова, зарывиладивка як корова" / "Пришла Покрова, заревела девка как корова". В отдельных станицах и хуторах, Гостагаевской, х.Рашипиль, именно в этот день, а не на Масленицу вязали "колодки".

К числу календарных, безусловно, относились и относятся так называемые престольные / храмовые праздники, посвященные Господу и

Богородице или святым, имя которых носил храм. Их принципиально важной особенностью являлось массовое участие жителей станиц как в богослужении, так и в "складчине" - коллективном участии в подготовке и проведении престольной трапезы, которая проходила в церковной ограде при стечении большого количества людей, как своих, так и пришлых, в т.ч. "странников" и "убогих".

Календарные праздничные даты и посты дополнялись казачьими войсковыми торжествами. Речь идет об общевоисковых и полковых праздниках. В совокупности они достаточно разнообразны и приурочены к различным датам календаря. Прежде всего, как в Запорожской Сичи, так и на Кубани, в Черноморском казачьем войске наиболее чтимыми в воинской среде оставались Покров Пресвятой Богородицы, день Архистратига Михаила, Николая Чудотворца и Пасха. Помимо торжественного богослужения, которое проходило в войсковом храме, празднование могло дополняться торжественным выносом войсковых регалий (грамот, перначей, булав и т.п.), военным парадом.

Праздничными днями считалось и время проведения общевоисковой рады, а позже - (обще) войскового круга. После образования Кубанского казачьего войска общевоисковой круг вначале проводился 30 августа (по старому стилю), с 1905 года - 5 / 19 октября, а затем он был перенесён на 1 / 14 октября - на Покров Пресвятой Богородицы.

Помимо общевоискового праздника, в бывшем Черноморском казачьем войске длительное время существовали и праздники отдельных воинских частей, посвященные святым, иконам - их покровителям. Например, день Святого Иова, являлся праздником 10-й конной батареи, Успенье Божьей Матери - 8-го пешего батальона, Николая Чудотворца - 7-го конного полка и 12-й конной ба-тарей и т.д.

Празднично отмечались и такие события, как вручение войску императором или императрицей очередных знамён, поднесение царских даров, юбилеи (например, 200-летие Кубанского казачьего войска, 300-летие дома Романовых). А также дни рождения, тезоименитства царя и членов его семьи.

В общественных, общевоисковых праздниках принимали участие представители всех структурных подразделений Кубанского казачьего войска, представители различных возрастных групп, в т.ч. дети, которые должны были хранить память об этих событиях и передать эту традицию следующим поколениям.

Список использованной литературы

1. Календарные праздники и обряды Кубанского казачества Н.И.Бондарь. Краснодар, 2003.

Список рекомендуемой литературы

1. Бондарь.Н.И. Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. Краснодар 2003
2. Чурсина В.И. Сценические формы Кубанского фольклора. Вып. 1- Краснодар, 2002.
3. Жиганова С. А. Особенности свадебного обряда и песен в станицах Лабинского района (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций ЦНКК 1994 года) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1994 г. (Дикаревские чтения (1)) / Материалы научно-практической конференции. Белореченск, 1995. С. 52-55. (0,2 а.л.)
4. Жиганова С. А. Обрядовые жанры музыкального фольклора Кубани: специфика и славянские параллели // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Краснодар: Изд. «Кубанькино», 2004. С. 167-178. (0,5 а.л.)
5. Жиганова С. А. Свадебная обрядность и фольклор кубанских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т.2. Москва - Краснодар: ЭДВИ, 2005. С. 282-299. (0,8 а.л.)
6. Жиганова С. А. Музыкальный фольклор кубанских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т.2. Москва - Краснодар: ЭДВИ, 2005. С. 418-431. (0,5 а.л.)
7. Жиганова С. А. Приглашение на свадьбу в кубанской фольклорной традиции // Вестник Шэныгыгэгуыз Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2007. С. 344-358. (0,8 а.л.)
8. Жиганова С. А. Свадебная обрядность и фольклор Кубани: динамический аспект // Сбережение народа: традиционная культура. Материалы научно-практической конференции 8-9 июня 2007 г., г. Краснодар. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. С. 196-201. (0,3 а.л.)
9. Жиганова С. А. Родители как участники обрядов второго дня свадьбы в кубанской традиционной культуре // Материалы научно-практической конференции «Закон «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной культуры в Краснодарском края». Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани». Краснодар: ООО РКА «Пресс-Имидж», 2007. С. 145-163. (0,7 а.л.)

10. Жиганова С. А. Черноморский комплекс свадебных музыкальных текстов кубанских казаков: особенности ритмической организации // Кубань — Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2. Краснодар: ООО «Картика», 2007. С. 155–162. (0,3 а.л.)

Частушки на масленицу

Ой, свет, моя Масленица,
Напилася я и скорчилась.
А когда и было тонко пряхть,
А когда и было часто пряхть.

* * *

Мы давно блинов не ели,
Да блинов мы захотели.
В квашне новой растворили,
Два часа блины ходили.
Растворили на дрожжах —
Не удержишь на вожжах.

* * *

Ох, и Масленица,
Да чево ж ты мала.
Кабы тебе семь недель,
А поста да одна.

* * *

Каждая хозяйка с утра радуется,
Эх, варенички варит,
Сегодня Масленица...